
БЫЛОЕ

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

По материалам архивного следственного дела на Н.В. Тимофеева-Ресовского

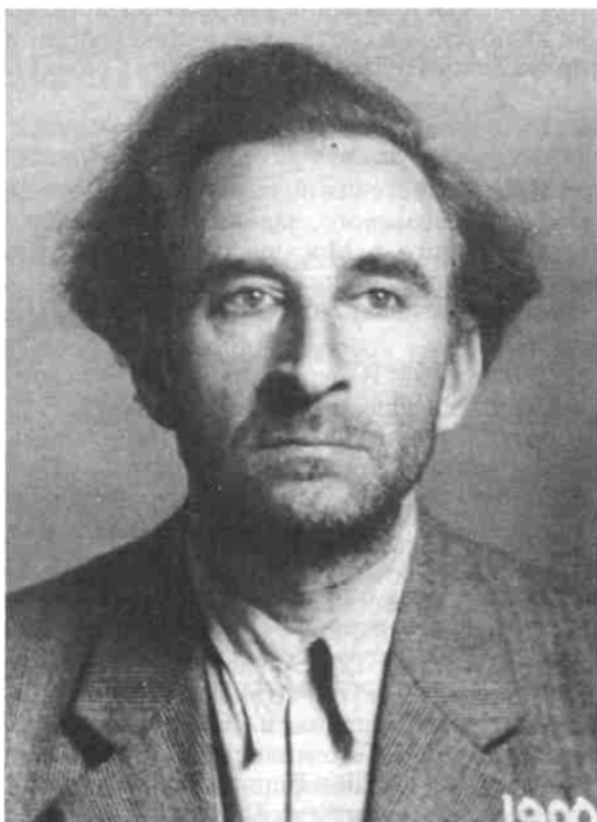
В предлагаемой вниманию читателей публикации впервые использованы материалы архивного следственного дела по обвинению известного биолога Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

В 1987 г. в журнале "Новый мир" была опубликована повесть Даниила Гранина "Зубр", в которой впервые рассказано о двадцатилетнем периоде работы Тимофеева-Ресовского в Германии и об истории его этапирования в СССР после взятия Берлина советскими войсками, последующего ареста и осуждения "за измену Родине". После выхода повести ряд крупных ученых обратился в органы прокуратуры с просьбой о реабилитации выдающегося генетика.

Однако в связи с целым рядом обстоятельств Тимофеев-Ресовский был реабилитирован лишь в 1992 г.

На обложке его следственного дела значится: "ДЕЛО № 8026 по обвинению Тимофеева-Ресовского Николая Владимировича. Начато 10 октября 1945. Окончено 8 июля 1946".

20 августа 1945 г. заместитель начальника 2-го Управления НКГБ СССР (контрразведка) генерал-майор И.И. Илюшин направил начальнику 4-го Управления НКГБ (спецоперации за рубежом) генерал-лейтенанту П.А. Судоплатову служебную записку, в которой указывалось, что Тимофеев-Ресовский после окончания срока заграничной командировки отказался вернуться в СССР, "в Берлине... был тесно связан с ТКП (Трудовой крестьянской партией, созданной в Праге С. Масловым. - В.Г., В.Н.) и гестапо, вел активную работу против СССР". Также сообщалось, что два брата Тимофеева-Ресовского - Дмитрий и Владимир - "в различное время арестованы НКГБ за антисоветскую деятельность". До-

Узник Н.В. Тимофеев-Ресовский. Октябрь 1945 г.

СССР 4

Народный Комиссариат Государственной Безопасности

ОРДЕР № 2567

Октябрь 10 для 1945 г.

Выдан _____
государственной безопасности

тов. *Старовантс, И. И.*
на производство *Ареста и обыска*

Тимофеева-Ресовского
Николай Владимировича

по адресу: *По месту нахождения*

 Зем. Зам.
Вед. Народный Комиссар
Государственной Безопасности СССР

Справка *12* Арест санкционирован Прокурором СССР
Генерал-лейтенантом Костичиным
тов. Вавишовец,

Ордер на арест и обыск Н.В. Тимофеева-Ресовского

кладывая об изложенном, Илюшин просил принять меры "к изъятию Тимофеева-Ресовского и доставке в СССР".

В тот же самый день 20 августа 1945 г. при правительстве СССР было создано 1-е Главное управление, занятое "проблемой № 1" - созданием ядерного оружия. Заместителем начальника 1-го Главка стал генерал-лейтенант А.П. Завенягин, в прошлом директор Магнитки, зам. наркома тяжелой промышленности СССР, строитель Норильского комбината и лагеря НКВД, а с марта 1941 г. - зам. наркома (с марта 1946 г. министра) внутренних дел (эта должность сохранится за Завенягиным до 1953 г., когда его участок работы полностью перейдет в Министерство среднего машиностроения). В январе 1946 г. в составе НКВД появится новая структура, получившая название 9-го Управления или Управления специальных институтов. Возглавил его опять-таки Завенягин, чьим заместителем сделали генерал-майора В.А. Кравченко, не оставившего при этом и прежней своей должности начальника 4-го спецотдела НКВД. Этот спецотдел (он же Особое техническое бюро) издавна ведал многочислен-

ными "шарашками"; теперь 9-е Управление начало собирать на свои засекреченные объекты нужных для решения "проблемы № 1" ученых.

Тимофеев-Ресовский принадлежал к их числу, но мог еще и не догадываться об этом. Хотя, как сообщает Гранин, после освобождения Берлина Завенягин посетил Институт мозга, познакомился с Тимофеевым-Ресовским и, оценив значимость его работы, поручил руководить институтом, пока не решится вопрос о его переезде в Советский Союз.

Пока суд да дело, каждое ведомство занималось своими делами: у контрразведки были иные интересы, чем у людей Завенягина.

АРЕСТ

13 сентября 1945 г. Тимофеев-Ресовский был задержан опергруппой НКВД города Берлина, этапирован в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКГБ. К моменту взятия Берлина он являлся руководителем отдела генетики и исполняющим обязанности директора Института мозга Общества им. Кайзера Вильгельма по развитию науки (после бегства весной 1945 г. прежнего директора профессора Шпатца). 5 мая Тимофеев-Ресовский был уполномочен командованием Красной Армии и Военным Советом 3-й ударной армии "руководить работой и сохранить в полной сохранности инвентарь и персонал Института для их включения в соответствующую систему научно-исследовательских учреждений Союза ССР".

СЛЕДСТВИЕ

После вынесения постановления об аресте Тимофеева-Ресовского, задержанного в Берлине и доставленного в Москву, начались его ночные многочасовые допросы следователем 11-го (следственного) отдела 2-го Управления НКГБ СССР.

Из анкеты арестованного: "Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович. Рост - высокий. Фигура - средняя. Плечи - приподнятые. Шея - короткая. Цвет волос - русые. Лицо - овальное. Лоб - прямой. Брови - дугообразные. Нос - малый. Рот - малый. Губы - тонкие. Подбородок - раздвоенный. Уши - малые. Особые приметы - нет".

На допросах в октябре 1945 г. (их было пять) следователя в основном интересовали причины отказа Тимофеева-Ресовского возвратиться на родину и связи среди эмигрантов.

Свое невозвращение в СССР ученый объяснил следующими обстоятельствами: "Со стороны полпредства СССР в Берлине в 1937 г. мне было предложено вернуться в Советский Союз, но я от этого отказался. Я отказался вернуться в Советский Союз в силу своей неизвестности, т.е. я опа-

сался возможности ареста за мои связи с белоэмигрантами, проводившими антисоветскую работу, и невозможности получить надлежащую работу и создать себе хорошие условия для жизни. Кроме того, на мой отказ вернуться в СССР сказала также проводимая за границей антисоветская пропаганда в части политического и внутреннего положения в стране и полученное через Швецию письмо от бывшего директора института экспериментальной биологии Кольцова. В этом письме Кольцов советовал мне в СССР не выезжать, а продолжать работать в Германии до благоприятной обстановки".

Писатель М. Поповский, ссылаясь на личное сообщение Тимофеева-Ресовского от 25 февраля 1971 г., утверждал, что в 1937 г. письмо с подобным предупреждением переслал ученому с американским генетиком Г. Дж. Меллером академик Н.И. Вавилов (Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1990, с. 116). Возможно, Тимофеев-Ресовский, зная об аресте Вавилова (но не о его смерти в Саратовской тюрьме в январе 1943 г.), скрыл от следствия этот факт, чтобы не усугубить положение своего коллеги и друга. Умершему же в 1940 г. Н.К. Кольцову уже ничего не могло повредить.

Репрессии против генетиков начались в СССР еще в 30-х (дело "Контрреволюционной эсеровско-народнической ячейки в ВИРе", гонения на Н.И. Вавилова). Эти обстоятельства, безусловно, были одной из причин невозвращения Тимофеева-Ресовского на родину.

Однако от советского гражданства он не отказывался и 5 мая 1937 г. обратился в консульский отдел Полпредства СССР в Германии со следующим заявлением:

"Прошу о продлении мне и жене моей, Елене Александровне Тимофеевой, паспортов сроком на один год.

Мое возвращение в СССР в течение этого года невозможно в связи с ходом моих научных работ. Заведуя Отделом генетики Института мозга, я не имею возможности прервать, и тем самым оставить незаконченным, целый ряд исследований, рассчитанных на продолжительный срок и связанных со значительной технической и аппаративной организацией. Кроме того, я связан служебным контрактом, а главное - моральной ответственностью за научную работу ряда сотрудников. Внезапный отъезд означал бы не только потерю для меня лично ряда начатых и успешно развивающихся опытов, но также возникновение трудновосстановимого пробела в проводимом мною совместно с физиками биофизическом анализе проблемы мутаций (изменений наследственных факторов). В течение ближайшего года мною также будут заканчиваться и под-

водиться итоги многолетних опытов по генетическому анализу географической изменчивости.

Поэтому прошу о дальнейшем продлении паспортов мне и моей жене".

Это заявление было выявлено и в копии приобщено к уголовному делу Тимофеева-Ресовского в ходе проведенного в 1988-1989 гг. следственным отделом КГБ СССР по поручению Главной военной прокуратуры дополнительного расследования.

На вопросы следователя о связях с эмигрантами и антисоветскими организациями Тимофеев-Ресовский показал, что поддерживал отношения с лидером "евразийцев" П. Савицким, с высланным в 1922 г. философом С. Франком, принимавшим участие в "Русском студенческом христианском движении", с причастными к деятельности "Национально-трудового союза нового поколения" (НТСНП) С. Субботиным и Ю. Трегубовым, с возглавлявшим молодежную организацию "Бойскауты" В. Слепяном. В числе своих знакомых-эмигрантов ученый назвал также сотрудника Института мозга СР. Царапкина, который поддерживал связь с лидером "Крестьянской России" С. Масловым и давал Тимофееву-Ресовскому, по его словам, «2-3 журнала издательства "Крестьянская Россия"».

Однако свою принадлежность к антисоветским белоэмигрантским организациям Тимофеев-Ресовский категорически отрицал. Не подтвердили это обвинение и свидетели. Так, Слепян, допрошенный 6 февраля 1946 г. в лагере спецконтингента, на вопрос следователя, в каких антисоветских организациях состоял Тимофеев-Ресовский и какое участие он принимал в "христианском студенческом движении", ответил: «Участником каких-либо антисоветских организаций Тимофеев-Ресовский не был... Он только лишь посещал собрания "христианского студенческого движения" и на выборной работе не находился... Никаких политических выступлений со стороны Тимофеева не было».

Царапкин (следственные дела по обвинению Тимофеева-Ресовского и по обвинению Царапкина 5 марта 1946 г. были объединены в одно производство) на проведенной между ними очной ставке показал: «Тимофеев-Ресовский прочитал несколько лекций членам организации "бойскаутов" о Советском Союзе и по другим вопросам научного характера, ...несколько раз посещал конференции "Христианско-студенческого движения", где читались доклады антимарксистского характера».

Этим, по словам Царапкина, и ограничивались контакты Тимофеева-Ресовского с "антисоветскими эмигрантскими организациями". Тем не менее 24 октября 1945 г. следователь вынес постановление о предъявлении Тимофееву-Ресов-

скому обвинения: "достаточно избобляется в том, что он будучи направленным в научную командировку в г. Берлин, в силу своего враждебного отношения к Советской власти не вернулся в СССР. Проживая в Германии входил в состав антисоветских белоэмигрантских организаций и принимал участие в проводимой ими подрывной работе против СССР... являясь агентом немецкой разведки - способствовал ей в борьбе против Советского Союза". Примечательно, что о последнем на допросах речь вообще не шла.

На вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении, ученый ответил: «Я признаю себя виновным в том, что выехав в 1925 г. в Германию, несмотря на предложения со стороны советского консульства в СССР не вернулся. В антисоветских белоэмигрантских организациях я не состоял... Агентом немецкой разведки не был и сознательно по такой линии преступлений не совершал. Однако, должен сказать, что в 1939 или 1940 г. я по предложению или секретаря Главного управления "Общества поощрения наук" - Форстмана или секретаря комитета ("Форшунгсрат") - Броэр написал краткий обзор и характеристику работы научно-исследовательских биологических институтов и учреждений, имевшихся в СССР, с указанием их руководящего состава».

В ходе дополнительного расследования по этому делу экспертная комиссия тогдашней Академии наук ГДР высказала свое мнение. В частности, эксперты отметили, что подготовленный Тимофеевым-Ресовским в 1939 г. обзор деятельности биологических институтов СССР составлен в период действия договора о дружбе между Германией и Советским Союзом и пакта о ненападении, то есть в то время, когда у ученых обеих стран были и желание, и возможность поддерживать тесные контакты. Научные институты СССР получали труды научных учреждений Германии, а те - советские работы. На основе таких материалов директор Института биологии профессор фон Ветштайн в 1942 г. подготовил для руководства Общества им. Кайзера Вильгельма обзор по биологическим институтам СССР, в котором содержалась еще более обширная информация, нежели предоставленная Тимофеевым-Ресовским. Но на исходе 1945 г. в Москве об этом вспоминать не хотели.

После месячного перерыва продолжились вызовы на допросы - 10 декабря, 15 декабря...

Теперь упор делался на получение "признавательных показаний" о "причастности к немецким разведывательным органам". В частности, на допросе 15 декабря следователь пытался обосновать обвинение на том, что после ареста гестапо за антифашистскую деятельность старшего сына Тимофеева-Ресовского Дмитрия ученый обра-

тился к своим коллегам по научной работе (Штресеману, Риллю), имевшим выход на руководство нацистских спецслужб, с просьбой выдать сына на поруки. Однако их усилия оказались безуспешными. Дмитрия не освободили.

Тимофеев-Ресовский на допросах в НКГБ не пытался представить в выгодном для себя свете факт причастности сына к антифашистской деятельности. В повести "Зубр" Гранин вспоминает, что Тимофеев-Ресовский очень резко отреагировал на вопрос о судьбе Дмитрия, которого в семье звали Фомой:

"Зубр помрачнел, сказал зло:

- Зачем это?.. Фома - не индульгенция. Хотите украсить меня? Писателю нужен, конечно, сюжеттец? Как же без сюжета! Венец терновый... Оправдание... Все ваши сюжеты - вранье. Жизнь бессюжетна..."

На этом же допросе Тимофеев-Ресовский на вопрос о том, кто в Институте мозга выполнял роль уполномоченного Абвера, показал, что бывший директор института Шпатц, являвшийся одновременно представителем военной контрразведки Германии, перед своим бегством из Берлина имел с ним (Тимофеевым-Ресовским) консультации на эту тему. По рекомендации Тимофеева-Ресовского обязанности представителя Абвера принял на себя научный сотрудник института Борн.

Забегая вперед, скажем, что только этот факт, наряду с составлением обзора о научно-исследовательских учреждениях Советского Союза, был положен в основу обвинения Тимофеева-Ресовского "в содействии немецким разведывательным органам".

Наступил 1946 год. О Тимофееве-Ресовском, казалось бы, забыли. В январе вызовов на допросы не последовало. Не допрашивались и свидетели. Но помнил об ученом как о специалисте, в котором остро нуждалась оборонная промышленность страны, Завенягин. 4 февраля 1946 г. он обратился к наркому госбезопасности генералу армии В.Н. Меркулову с письмом, в котором просил указания о передаче Тимофеева-Ресовского как крупного специалиста в области биофизики после проведения следствия по его делу "для использования в 9 Управлении НКВД СССР".

На письме имеются резолюции Меркулова начальнику 2-го Управления НКГБ СССР П.В. Федотову: "После окончания следствия передайте. 4.2.46", Федотова начальнику отдела 2-го Управления Иткину: "Доложите, в каком положении следствие по делу. 5.2.46", Иткина заместителю начальника отдела Пинзуру и начальнику отделения Елованову: "Надо не затягивать дело Тимофеева-Ресовского. Прошу проследить. 8.2.46".

Характерно, что дожидаться хотя бы формального судебного решения ни Завенягин, ни

Меркулов и не думают. Исход заседания Военной коллегии уже предрешен.

Здесь самое время привести один любопытный документ от 7 декабря 1945 г., копия которого изъята в 1988 г. из архивного дела на Циммера (арестованного в октябре 1945 г. опергруппой НКВД) и приобщена к делу Тимофеева-Ресовского. Это докладная записка Тимофеева-Ресовского о работах с нейтронами и искусственно-радиоактивными изотопами.

Итак, Тимофеев-Ресовский докладывает, что в 1938-1939 гг. в лаборатории отдела генетики Института мозга был установлен нейтронный генератор. Целью опытов с нейтронами, которыми занимались Тимофеев-Ресовский, его жена, а также сотрудники отдела генетики физик Циммер, радиохимик Борн и биолог Кач, были:

"1. Их (нейтронов. – *В.Г., В.Н.*) непосредственное применение для облучения, для сравнения биологических действий, образуемых ими густоионизирующих протонов с рентгеновскими лучами.

2. Получение искусственно-радиоактивных изотопов для точного и количественного проследования судьбы введенных в организм химических элементов в обмене веществ и их проникновения в различные ткани и органы.

3. Дозиметрия и непосредственное применение нейтронов для облучения биологических объектов".

Опыты проводились на рыбах, мышах и мухах и, как подчеркивает Тимофеев-Ресовский, "еще не закончены". Он пишет: «Метод радиоактивных индикаторов" имеет большое будущее и может в принципе применяться в различных контрольных реакциях, реакциях химического обмена, для ряда технических целей и в биологии для изучения проникновения химических веществ в организмы и их распределения в них».

Далее Тимофеев-Ресовский подробно останавливается на возможностях применения указанного метода, а также информирует об участии Циммера и Борна в опытах (не связанных с отделом генетики Института мозга) с радиоактивными изотопами в научном отделе Акционерного общества Ауэр (Циммер) и Химическом институте им. Кайзера Вильгельма (Борн). Лаборатории Акционерного общества, по словам Тимофеева-Ресовского, проводили исследования в связи с работами по созданию атомной бомбы, однако Циммер в них участия не принимал. Сфера его деятельности ограничивалась коммерческими интересами общества Ауэр.

Позднее, на допросе 17 апреля 1946 г., Тимофеев-Ресовский уточнит, что, хотя "непосредственно генетический отдел научно-исследовательскими работами военного характера не занимался", его сотрудники Борн и Циммер осуществляли в помещении генетического отдела "имевшие отноше-

ние к военному делу" исследования. Борн по заданию директора Химического института О. Хана (Отто Хан, Нобелевский лауреат) проводил с использованием имевшегося в отделе нейтронного генератора работы по анализу продуктов распада урана. Циммер же по заданию Акционерного общества производил опыты с использованием генератора по активации светящихся красок искусственно-радиоактивными изотопами и вместе с директором научного отдела общества Рилем поставил блоки урана для группы физиков, возглавлявшихся Гейзенбергом, которая "занималась работами по получению атомной энергии".

К сожалению, по материалам дела установить адресата докладной Тимофеева-Ресовского не удастся. Не исключено, что с ней ознакомился Завенягин, что именно это сыграло свою роль в решении передать ученого (а затем также Циммера, Борна и Кача) под крыло его ведомства.

Выполняя указание руководства "не затягивать дело", следователь возобновил допросы Тимофеева-Ресовского (16 февраля, 18 марта, 3 и 17 апреля, 6, 7 и 18 мая), а также допросил свидетелей, в том числе Циммера, Борна и Кача. К этому времени подоспел из Германии протокол допроса сотрудника Института мозга, уполномоченного контрразведки Абвера при Институте мозга Пютца, арестованного 20 октября 1945 г. оперсектором НКВД г. Берлина и допрошенного 2 ноября того же года. Остановимся подробнее на показаниях Пютца, так как они еще сыграют свою роль...

Из протокола допроса Вильгельма Пютца, начальника отдела кадров и бухгалтера Института мозга (от 2 ноября 1945 г.): "Тимофеев считался политически благонадежным к существовавшему строю в Германии. Тимофеев как директор генетического отделения института был в курсе всех секретных директив, направлявших всю деятельность института на нужды войны. И Тимофеев лично при приближении Красной Армии давал приказания об уничтожении секретных документов, которые хранились у меня в сейфе. Кроме того, Тимофеев давал распоряжения уже накануне прихода Красной Армии числа 20 апреля 1945 г., когда шли бои за Берлин, спрятать наиболее ценное оборудование, чтобы оно не попало в Советский Союз".

Но следователь почему-то не стал заострять внимание на, казалось бы, выигрышных для него показаниях Пютца. Не фигурирует этот эпизод и в обвинительном заключении по делу. Лишь в протоколе допроса Тимофеева-Ресовского (теперь уже в качестве свидетеля по делу сотрудника отдела генетики Циммера) от 15 июля 1946 г. (копия протокола приобщена к уголовному делу Тимофеева-Ресовского в 1988 г.) имеются показания ученого о том, что в марте 1945 г. они вместе

с Циммером решили «уничтожить всю ненужную нам переписку Института мозга для того, чтобы избежать возможных неприятностей со стороны местных немецких властей, после оккупации Берлина войсками Красной Армии. Я и Циммер дали приказание бухгалтеру Института мозга Пютцу уничтожить все бумаги, имеющие штамп "секретно". Содержание этих документов нам с Циммером не было известно, т.к. мы не имели времени ознакомиться с содержанием их».

Что касается абсолютно нелепых показаний Пютца о том, что Тимофеев-Ресовский дал указание спрятать ценное оборудование, чтобы оно не попало в СССР, сам ученый, его жена, а также Циммер и Кач на допросах объяснили это желанием спасти уникальную аппаратуру от воздушных налетов. Как любезно сообщил нам сын Тимофеева-Ресовского - Андрей Николаевич, сохраненное ученым лабораторное оборудование Института мозга до сих пор используется в Институте экологии в Екатеринбургe.

Формулировки ответов свидетелей, допрошенных следователем уже в Москве, выглядят все более "срежиссированными".

Из протокола допроса Карла Циммера, научного сотрудника института (от 9 марта 1946 г.)

Вопрос: Каково было отношение Тимофеева-Ресовского к существовавшему в Германии фашистскому строю?

Ответ: К существовавшему в Германии фашистскому строю Тимофеев-Ресовский относился отрицательно (в чем именно это состояло, следователь даже не поинтересовался, удовлетворившись лапидарным "отрицательно". - *ВТ., В.Н.*).

Из протокола допроса Ганса Борна, ассистента института, члена национал-социалистической партии (от 9 марта 1946 г.)

Вопрос: Почему Тимофеев-Ресовский не вернулся в Советский Союз?

Ответ: Не вернулся Тимофеев-Ресовский в Советский Союз потому, что он в Германии занимал хорошую должность и был доволен своею работой. Кроме того, Тимофеев-Ресовский был лояльно настроен к фашистскому режиму, но это официально, в беседах же со мной о фашистском строе высказывался отрицательно (между тем Борн - официальный представитель Абвера в институте, и "высказываться отрицательно" именно перед ним было бы несколько странным; но следователя и это не смущает. - *ВТ., В.Н.*).

Вопрос: О чем Вы, как уполномоченный "Абвер" доносили... Тимофееву-Ресовскому и что по таким донесениям предпринималось?

Ответ: С начала 1944 г. и по 1945 г. мною были установлены случаи общения двух учениц института (немки) и лаборантки (немки польского происхождения...) - с французскими военноплен-

ными. Об этом я донес Тимофееву-Ресовскому. Последний имел с этими лицами разговор и предупредил, чтобы они прекратили связи с французскими военнопленными (работавшими в институте. - *ВТ., В.Н.*).

Из протокола допроса Александра Кача, ассистента института (от 6 апреля 1946 г.)

Вопрос: Расскажите - каково было отношение Тимофеева-Ресовского к Советскому Союзу и к существующему в стране строю?

Ответ: Тимофеев-Ресовский в разговорах со мной ничего отрицательно о Советском Союзе и Советском строе не говорил. Во время войны Тимофеев-Ресовский был на стороне СССР и высказывался за поражение немцев.

Вопрос: Тимофеев-Ресовский... к "Абвер" имел отношение?

Ответ: Тимофеев-Ресовский... к "Абвер" никакого отношения не имел и не мог иметь, поскольку не являлся немецким подданным.

Вопрос: Со стороны Тимофеева-Ресовского Н.В. давались указания спрятать ценное оборудование, с тем чтобы оно не досталось Советскому Союзу?

Ответ: Тимофеев-Ресовский Н.В. таких указаний никому не давал. Я знаю, что он игнорировал указания о подготовке имущества и оборудования генетического отдела к эвакуации в немецкий тыл, и чтобы сохранить ценное оборудование от бомбежки - он отдал указание спрятать его в подвалы Института мозга.

Никаких уточняющих вопросов следователь не задает и сразу заносит подобные формулировки в протокол. Несколько странным выглядит именно это его отношение, а не сами показания свидетелей, подозревать которых в неискренности трудно. Точно так же охарактеризовали Тимофеева-Ресовского и опрошенные в ходе дополнительного расследования в 1988 г. знавшие его по совместной работе граждане ГДР:

Профессор Роберт Ромпе: "Вначале Тимофеев-Ресовский был только ученым и не интересовался политикой. Пакт о ненападении между СССР и Германией он приветствовал, и я хочу сказать, это дало ему толчок в работе. После нападения фашистской Германии на СССР он был потрясен. Он занял ясную позицию и встал на сторону СССР".

Профессор Ганс Штуббе: "Тимофеев-Ресовский был противником нацизма. Это выражалось в острокритических разговорах, которые я вел с ним у него дома.

Хильдегард Пальм (секретарь Тимофеева-Ресовского с 1940 г.): "Тимофеев-Ресовский был абсолютным противником нацизма".

Ничего нового не дали и показания самого Тимофеева-Ресовского на допросах в феврале-мае

1946 г. В основном речь шла о его связях в эмигрантской среде, контактах с советскими учеными. Примечательна характеристика, которую дал Тимофеев-Ресовский на допросе 16 февраля репрессированным генетикам: "Вавилова, Карпеченко, Попова я знал как честных советских граждан, отдававших себя и свои научные работы для советской страны".

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не получив (возможно, уже и не стремясь получить) "признаний" Тимофеева-Ресовского (и соответствующих показаний от свидетелей) в участии в деятельности антисоветских белоэмигрантских организаций, следствие изменило предъявленное обвинение. В утвержденном 19 мая 1946 г. постановлении констатируется, что "участие Тимофеева-Ресовского в организованной антисоветской деятельности материалами следствия в достаточной мере не подтверждено", и предписывается «из предъявленного обвинения Тимофееву-Ресовскому от 24.10.1945 по ст.ст. 58-1а ("Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу". - В.Г., В.Н.) и 58-11 ("Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой". - В.Г., В.Н.) УК РСФСР - исключить обвинение по ст. 58-11».

По уголовному кодексу 1926 г. "измена Родине" каралась высшей мерой уголовного наказания - расстрелом, а при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества. Совокупность статей 58-1а и 58-11 - никак не смягчающие обстоятельства, а, напротив, - отягчающие. А значит - высшая мера. Значит, потеря полезного для нужд страны выдающегося ученого.

25 мая начальник 2-го Управления МГБ генерал-лейтенант П.В. Федотов утверждает обвинительное заключение по делу Тимофеева-Ресовского и Царапкина. Тимофеев-Ресовский обвинялся в том, что "в 1937 г. изменил Родине и остался в Германии. Был связан с руководителями антисоветских организаций и принимал участие в этих организациях, оказывал содействие немецким разведывательным органам, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1а УК РСФСР".

Закрытое заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР состоялось 4 июля 1946 г. под

председательством генерал-майора юстиции Каравайкова и длилось с 14.37 до 20.34.

На вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным и подтверждает ли свои показания, данные в процессе предварительного следствия, Тимофеев-Ресовский заявил:

"Виновным себя признаю в том, что в 1937 г. отказался выехать в СССР и остался проживать в Германии, но не признаю себя виновным в антисоветской деятельности, которой сознательно я никогда не занимался".

Подтвердив свои показания, данные на следствии, Тимофеев-Ресовский обратил внимание Военной коллегии на следующие обстоятельства: "В процессе предварительного следствия у меня сложилось мнение, что следственные органы интересовались исключительно моими отрицательными сторонами. Возможно, они собирали сведения и о моей положительной работе как ученого, но мне об этом неизвестно. Мне кажется, что следственные органы были удивлены, почему русского человека, проживающего во время войны в Берлине, немцы не повесили. Может быть, я ошибаюсь в этом, не знаю. За 20 лет своего существования за границей я написал около 140 научных работ, которые печатались на различных языках. Не как шпиона, а как ученого человека меня приглашали в Америку, в Англию. Я бывал в этих странах, бывал во Франции, Швеции, Дании и других странах. Когда я остался в Германии, я мечтал в будущем возвратиться в СССР организовано, со своим штатом, со своими научными трудами. Во время войны и в особенности когда стало ясно, что Германия будет побеждена Красной Армией, я подготавливал весь свой штат к переезду на работу в СССР. Все сотрудники были готовы к выезду".

Военная коллегия приговорила Тимофеева-Ресовского на основании ст. 58-1а УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в политических правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества. Примечательно, что в приговоре отсутствуют обвинения Тимофеева-Ресовского в связях с руководителями антисоветских организаций, в участии в этих организациях и в оказании содействия немецким разведывательным органам. В вину ему вменялось то, что, "будучи антисоветски настроенным, от возвращения на Родину отказался и остался проживать в фашистской Германии... Среди сотрудников института неоднократно высказывал свои антисоветские взгляды по вопросам, касающимся государственного строя Советского Союза" (сам Тимофеев-Ресовский на очной ставке с Царапкиным признал, что, "находясь за границей, имел отрицательное отношение к политике Советской власти. Находясь за

границей, в беседах выражал, что в Советском Союзе, якобы, нет демократии и свободы личности").

О пребывании в одной (№ 75) камере Бутырской тюрьмы с Тимофеевым-Ресовским в июле 1946 г. рассказывает в "Архипелаге ГУЛАГ" А. Солженицын, привезенный сюда «по загадочному "распоряжению министра внутренних дел"... Оказалось, что в камере встречается два потока: обычный поток свежесужденных, направляемых в лагерь, и встречный поток лагерников, сплошь специалистов - физиков, химиков, математиков, инженеров-конструкторов, направляемых неизвестно куда, но в какие-то благополучные научно-исследовательские институты».

Впрочем, Тимофеев-Ресовский не сразу попал во "встречный поток" и вначале провел полгода в Карлаге на общих работах. Затем он был этапирован в Москву и направлен "для дальнейшего отбытия наказания" в Челябинскую область научным сотрудником (с 1948 г. - заведующим отделом) биологической лаборатории, где смог, совместно с прибывшими из Германии коллегами по Институту мозга Циммером, Борном и Качем, продолжить исследования в области биофизики.

В 1951 г. Тимофеев-Ресовский "за большие успехи в научно-исследовательской работе" был освобожден, а через четыре года Президиум Верховного Совета СССР снял с него судимость.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

В 1987 г. после публикации повести Даниила Гранина младший сын Тимофеева-Ресовского Андрей и представители научной общественности, в том числе и члены Академии наук СССР С. Вонсовский, В. Иванов, М. Волькенштейн, Е. Свердлов, Н. Дубинин и другие, обратились в правоохранительные органы с письмами о реабилитации выдающегося ученого-генетика. Но Главная военная прокуратура после проведения дополнительного расследования вместо реабилитации ученого выдвигает новое обвинение, не вменявшееся ему ни следствием, ни Военной коллегией в 1946 г., - переход на сторону врага - и в июле 1989 г. выносит постановление о прекращении производства в связи с отсутствием оснований реабилитации Тимофеева-Ресовского. В постановлении утверждалось, что, хотя факт невозвращения в 1937 г. на Родину не образует состава контрреволюционного преступления, ученый, являясь гражданином СССР и руководя германским научно-исследовательским учреждением, лично сам и совместно с сотрудниками активно занимался исследованиями, связанными с совершенствованием военной мощи фашистской Германии, чем совершил измену Родине в форме перехода на сторону врага, то есть преступление, предусмотренное ст. 58-1а УК РСФСР (по Уголовному кодексу

1926 г. тянет на расстрел). Можно предположить, что этот вывод был сделан не без воздействия отдельных публикаций, появившихся в средствах массовой информации как реакция на повесть Гранина (см., например: А. Кузьмин. К какому храму ищем мы дорогу // Наш современник. 1988. № 3), в которых Тимофееву-Ресовскому приписывалось участие в разработке немецкого Уранового проекта. В частности, в справке Следственного отдела КГБ СССР по материалам дополнительного расследования дела (так же, как в статье Кузьмина) в качестве аргумента, якобы подтверждающего обвинение Тимофеева-Ресовского в "совершенствовании военной мощи фашистской Германии", приводится выдержка из книги английского журналиста Д. Ирвинга "Вирусный флигель":

"В Германии генетическим последствиям уделялось внимание, и даже были проведены исследования воздействия нейтронной и другой проникающей радиации. С 1943 г. вплоть до конца войны и военное министерство, и полномочный представитель по ядерной физике заключили несколько контрактов на изучение этого вопроса. Исследования в основном проводил отдел генетики Института Кайзера Вильгельма в Берлин-Бухе".

Кроме того, всплыли: проигнорированные следствием в 1946 г. показания Пютца о том, что "Тимофеев как директор генетического отделения института был в курсе всех секретных директив, направлявших всю деятельность института на нужды войны", "при приближении Красной Армии давал приказания об уничтожении секретных документов", "давал распоряжения уже накануне прихода Красной Армии... спрятать наиболее ценное оборудование"; показания Тимофеева-Ресовского о выполнении в помещении генетического отдела его сотрудниками Борном и Циммером "работ, имевших отношение к военному делу", а также приобщенные к архивному делу на Циммера копии его показаний на допросах в октябре 1945 г.: о перестройке отдела генетики с 1942 г. "целиком на эксперименты различных опытов для нужд войны, связанных с проблемой массового истребления людей, то есть войск противника путем применения лучей рентгена, радия и нейтрона". Напомним, однако, что сам Тимофеев-Ресовский не отрицал, что Борн и Циммер проводили работы, "имевшие отношение к военному делу", однако вышеперечисленные материалы не свидетельствуют достоверно о причастности как самого ученого, так и руководимого им отдела генетики к немецкому Урановому проекту. Как видно из приведенной выше докладной, отдел занимался изучением биологических последствий радиации, а не созданием атомной бомбы.

Следствие не ограничилось выводом о причастности Тимофеева-Ресовского к "совершенствованию военной мощи фашистской Германии" и попыталось еще и "привязать" его исследования к развитию расовой теории фашизма. И вновь в справке Следственного отдела обильно цитируется книга, на этот раз "Ухищрения в отношении населения - действенность и постоянство нацистской демографической политики" (вышла в ФРГ в 1986 г.); ее автор Карл Рот, в свою очередь, цитирует статью Тимофеева-Ресовского "Экспериментальные исследования наследственной отягощенностиTM у популяций", опубликованную в 1935 г. в журнале "Эрбарцт".

4 февраля 1991 г. Прокуратура СССР отменила постановление Главной военной прокуратуры о прекращении производства по вновь открывшимся обстоятельствам на том основании, что категорический вывод ГВП о проведении Тимофеевым-Ресовским научных исследований, имеющих военное значение, недостаточно аргументирован. В частности, не нашло своего отражения заключение экспертной комиссии Академии наук ГДР, в котором констатируется, что «Институт мозга, судя по анализу работ, не может быть причислен к институтам, имевшим "военное значение". Это относится и к отделу генетики этого института, в котором проводились исключительно фундаментальные исследования... Проводимые в отделе генетики другими учеными плановые исследования с использованием радиоактивных и, в частности, ионизирующих материалов, если они затрагивали военно-технические проблемы, осуществлялись в обстановке секретности и вне всякой зависимости от исследований Тимофеева-Ресовского, не дали фашистскому руководству каких-либо существенных результатов».

Выводы следствия о причастности Тимофеева-Ресовского к развитию расовой теории фашистской Германии также опровергнуты экспертами ГДР, которые указали, что его статья "Экспериментальные исследования наследственной отягощенности у популяций" содержит научно-популярное изложение принципов популяционной генетики, а понятия "расовой гигиены" и "расовой биологии", использованные в статье, начали применяться в генетике еще в начале века.

На основании всего изложенного Генеральная прокуратура СССР постановила отменить постановление ГВП от 28 июля 1989 г. о прекращении производства по вновь открывшимся обстоятельствам и поручить Следственному отделу КГБ СССР производство предварительного следствия. Расследование было возобновлено, но, как следует из справки Следственного управления Комитета госбезопасности от 16 октября 1991 г., по его результатам "дополнительных сведений в отношении инкриминируемого Тимофееву-Ресовскому состава преступления получено не было".

16 октября Генеральным прокурором СССР был внесен по делу протест в Пленум Верховного Суда СССР на предмет прекращения дела за отсутствием в действиях Тимофеева-Ресовского состава преступления. Однако протест не был рассмотрен в связи с ликвидацией Верховного Суда СССР.

Тимофеев-Ресовский был реабилитирован лишь в июне 1992 г. на основании Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий".

В.А. ГОНЧАРОВ, В.В. НЕХОТИН